

ПОЛИТИКА

Л.И.Никовская

В.Н.Якимец

ПРИРОДА КОНФЛИКТНОСТИ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Особенность российского трансформирующегося общества не в том, что оно преобразуется, но скорее в том, что мы находимся в высокоактивной стадии социальной трансформации, когда нестабильность реформируемой социальной системы близка к состоянию «динамического хаоса». Этим нынешнее российское общество отличается от стабильно трансформирующихся обществ с прогрессирующей экономикой и устойчивой социально-политической системой.

Как известно, концепция трансформации более адекватно описывает спонтанность и слабую управляемость процессов общественных изменений, поскольку акцентирует зависимость общественно-политических сдвигов не только от действий правящей элиты, но и массовых слоев общества, представители которых исходят из собственных интересов и действуют в условиях не вполне сформированной и нежесткой институциональной среды. Указанные характеристики понятия трансформации могут быть вполне применимы к описанию перехода от тоталитаризма к демократии в России, вступившей на рубеже 1980–1990-х гг. в так называемую «третью волну демократизации», содержанием которой стало падение коммунистических режимов в странах Центральной и Восточной Европы, а затем и в СССР.

Политическая трансформация подчеркивает сложность и неоднозначность задачи утверждения демократии и подтверждает выводы западных исследователей (С.Хантингтон, А.Пшеворский, Д.Растоу, Ф.Шмиттер и др.), что демократические транзиты «третьей волны» в большинстве случаев не завершились созданием консолидированных демократий. Более того, на значительной части постсоветского пространства возрождаются авторитарные режимы. Все это ставит перед исследователями серьезные вопросы о причинах успеха или неуспеха консолидации демократии в современном мире, о структурных предпосылках и процедурных условиях перехода к ней, движущих силах этого перехода и т. д. Очевидно, что сами эти переходы настолько разнообразны, что их трудно свести к какой-либо одной модели.

¹ См.: Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты. Теоретико-методологические и прикладные аспекты. М., 1999. с. 26–27.

² См.: Якимец В.Н., Никовская Л.И. Сложносоставные конфликты – атрибут постсоциалистической трансформации: типы, особенности, динамика, принципы анализа. – Социс. № 8, 2005, с. 77–85; Никовская Л.И. Трансформация в России в контексте социального конфликта. Монография в 2-х частях. М., 2003.

³ Метод морфологического анализа (ММА) был разработан в середине прошлого века швейцарским ученым Ф.Цвикки. Коротко его суть состоит в том, что любая сложная система, проблема, программа и др. деконструируется на подсистемы (подпроблемы, подпрограммы и т. п.) таким образом, чтобы в совокупности они детализировали структурные и функциональные особенности данного объекта, имеющего некое осознанное целевое предназначение. Затем для каждой из выделенных подсистем независимо от остальных составляется набор возможных вариантов ее реализации. При этом в набор включаются как известные, так и новые, ранее не ис-

В западной политической мысли существует два наиболее значимых подхода к описанию демократического транзита: элитистский и институциональный. Авторы элитистских теорий (Дж.Хигли, Р.Гантер, М.Бартон, А.Пшеворский, Я.Пакульский, Р.Гюнтер и др.) считают, что последовательность и взаимообусловленность определенных политических решений и действий, выбор тактик акторами, которые инициируют и осуществляют демократизацию, важнее для ее исхода, нежели имеющиеся либо отсутствующие предпосылки демократии. Первоначально господствующим было понимание «демократизации» как одностороннего процесса к некоему идеальному демократическому режиму, характеристики которого идентичны основным признакам западной либеральной демократии. Соответственно, предполагалось, что политическая трансформация происходит в пределах биполярного континуума, включающего широкое разнообразие систем, в том числе «ограниченную демократию», «полудемократию», «псевдodemократию» и пр. Элитистское направление акцентирует внимание на выявлении влияния внутриэлитных взаимодействий на характер демократического транзита и обуславливает стабильное демократическое правление фактором единства элит. Среди отечественных исследователей в этом ключе российский политический опыт анализирует В.Гельман.

Выявившаяся в результате демократического транзита конца 1980-х – начала 1990-х гг. в Центральной и Восточной Европе неадекватность элитистских теорий реальной практике перехода, стимулировала интерес к институциональному подходу, представители которого (Дж.Дьюи, А.Валенсуэла, А.Лейпхарт, А.Степан, С.Скач, Х.Линц и др.) указывали на важность институционального выбора (прежде всего выбора президентской или парламентской форм правления, вариантов избирательной системы, типа конституции и т. д.) в процессе консолидации демократии.

В настоящее время в западной исследовательской мысли наблюдается плодотворный синтез указанных двух подходов. В России такой интегрированный подход использует А.Мельвиль. По его мнению, переход к демократии через пакт или другие распространенные модели общественных трансформаций все же не охватывают реальное многообразие сложных и многомерных процессов, которые относятся к современной демократической волне и являются результатом действия разнообразных внешних и внутренних факторов¹. В качестве первого шага на пути создания интегрированной теории демократического транзита он предлагает концепт «воронки причастности», которая синтезирует институциональный (структурный) подход и действия акторов.

Для объяснения особенностей демократического перехода в России нами² была разработана динамическая модель морфологического анализа³ социальных конфликтов трансформирующего-

пользовавшиеся вариантами реализации подсистемы, но с обязательными выполнением условия их способности обеспечить выполнение основной функции (предназначения) подсистемы. Построенная таким образом морфологическая матрица исследуемого объекта содержит самые разные альтернативные комбинации «сборки». ММА нашел широкое применение в задачах научно-технического прогнозирования, избирательстве, в задачах проектирования сложных систем, в многокритериальном моделировании, при разработке комплексных человеко-машинных систем, систем принятия сложных решений и при исследовании различных сложных социально-экономических объектов. Этот метод является довольно эффективным средством для решения задачи формирования вариантов разнообразных систем. Он позволяет выявить, систематизировать и изучить все возможные варианты реализации сложной системы или объекта. В нашем случае в качестве такого объекта выступает сложно-составной конфликт.

⁴ Райсиг Р. Исследования трансформации: достижение, насущные проблемы и перспективы. – Пово-

ся общества, соединяющая структурные и субъектные аспекты анализа.

Важнейшей особенностью постсоциалистической трансформации, которую мы наблюдаем в России в течение последних 15 лет, является многослойный, неоднородный по структуре и насыщенности, в разной степени развитый конгломерат противоречивых отношений между разными слоями населения, секторами экономики, секторами общества, выстраиваемый и «разруливаемый» исполнительной и законодательной властью (во многих случаях по аналогии с западными странами). Поскольку трансформация затронула все без исключения стороны жизни (правовую, этническую, экономическую, социальную и др.), то не только эти стороны должны претерпеть изменения, но и соотношения между ними. Очевидно, что в таком динамичном «котле» возникают и бурлят не столько отдельные типовые моноконфликты (социокультурный, политический, административный, этно-национальный, конфликт в социальной сфере, экономический), сколько сложно-составные конфликты (ССК).

Особенности постсоциалистической трансформации, помимо прочего, определяются и необычностью преобразований:

- обратный переход от «квасисоциализма» к «капитализму»;
- больший, чем в социалистических странах Восточной Европы, временной разрыв в наследовании принципов и правил жизни в условиях рыночной экономики;
- освобождение от единой руководящей и направляющей роли КПСС с формированием плюралистического взгляда, когда появляется много новых акторов с несовпадающими интересами и позициями;
- разрыв в уровне информированности «элиты» и населения о целях, задачах, стратегии и методах трансформации;
- принципиально значимая роль фактора неопределенности.

Иными словами, трансформация – сложный, неоднозначный и многомерный процесс. Это подтверждают и результаты современных западных исследований. Так, по мнению немецкого ученого Р.Райсига, трансформацию следует рассматривать как обусловленную множеством факторов, процессуальную, открытую самоорганизующуюся эволюцию, в ходе которой развиваются своеобразные и новые элементы. Ее течение в этой перспективе является не запрограммированным, а конфликтным, амбивалентным и по своим специфическим результатам неопределенным процессом изменений⁴.

На этом фоне возможности теории конфликта становятся плодотворными. Надо уметь воспользоваться методологией и инструментарием конфликтологии для системного рассмотрения такого противоречивого, сложного процесса с внутренне заложенными возможностями альтернативами.

Упование на то, что возникающие в процессе трансформации различные типы моноконфликтов можно исследовать и урегулировать

роты истории. — *Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей: В 2 т. Т. 2.* СПб.: М., 2003. с. 236.

⁵ Осипов Г.В. *Российская социология в XXI веке. Доклад на II Всероссийском социологическом конгрессе, 30 сентября — 2 октября 2003 года, МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, с. 30.*

⁶ См.: Пантин И.К. *Демократия в России: противоречия и проблемы. — Политические исследования, 2003, № 1, с. 135.*

вать отдельно, на наш взгляд, призрачно. Это утверждение особенно актуально для России, поскольку происходящие в ней процессы во многом уникальны. Фактически, российское общество осуществляет *тройной переход*: занимаясь приватизацией и структурной перестройкой экономики, радикально перестраивает всю политическую систему, и пытается формировать еще и новую федеративную систему с целью создания устойчивой и жизнеспособной демократической федерации. Противоречия начинают развертываться во всех сферах общества — *социально-экономической, политической, духовной* и т. д., взаимопроникая и усиливая друг друга.

Сегодня уже вполне очевидно, что в ходе скороспелых и непродуманных по целям, стратегиям и последствиям «реформаторских» решений, принятых без широкого обсуждения элитистской верхушкой постсоветского руководства, Россия была ввергнута в системный кризис. Выглядевшие благородными цели и задачи начального этапа этой «верхущечной» революции, в которых, как пишет академик Г.В.Осипов⁵, «основной целью провозглашался человек, повышение его культурного и материального благосостояния», не только не были достигнуты в отношении подавляющего большинства населения, но, напротив, привели к значительному снижению его жизненного уровня. Это происходило на фоне непомерно и вне всяких исторических прецедентов возросшего благосостояния узкой группы назначенных олигархов и коррумпированного чиновничества.

Думается, причины «бифуркационного застоя» российской трансформации кроются в том грузе проблем, нерешенность которых породила совокупность конфликтов в различных сферах общества, пересечение которых вызвало особое состояние трансформационных процессов. Движение к углублению демократических и рыночных преобразований застопорилось не потому, что «русский народ равнодушен к демократическим ценностям, а потому, что демократия не принесла ему свободы, благосостояния, не решила стоящих перед страной проблем, а скорее обострила и донельзя запутала их»⁶.

Поскольку Россия находится в сложном, динамичном трансформационном процессе, то существование моноконфликта (однотипного конфликта) — это, скорее, исключение, нежели правило. В реальности имеет место проекция и взаимовлияние, взаимопроникновение одних типов конфликта в другие, когда источники (причины) и особенности одних конфликтов запускают или актуализируют «пробуждение» других. Соединение в цепочку причин разных по типу конфликтов образует один из возможных вариантов *сложноструктурного конфликта* (ССК). Например, конфликт между «традиционалистами» и «западниками» (социокультурный конфликт) «запускает» коллизии вокруг различных проектов политического развития и моделей институционализации власти. Это, в свою очередь, актуа-

лизирует источники этно-национальных конфликтов, связанных, скажем, с различным пониманием национально-территориального устройства государства и разделения компетенции, что, в свою очередь, провоцирует конфликты, связанные с неравномерным распределением социальных благ и условий воспроизводства жизни социальных групп. Наконец, в экономической сфере выливается в противодействие по поводу различных принципов оформления отношений собственности и распределения прибылей. Таким образом, образуется пространство возможных вариантов сложносоставного конфликта. Причем точка «старта» этой цепочки может находиться в той сфере, которая наиболее актуальна в данный момент для общества или определенной группы. Но таких различных комбинаций конфликтов может быть построено достаточно много. Следовательно, вариантов сложно-составных конфликтов, определяющих течение сложных и динамичных процессов трансформации, может быть также много. И они не возникают беспорядочно. Их сопряжение подчинено содержательным особенностям переживаемого момента. Так, первый «романтический» период развития общественно-политической трансформации в России (1991–1993 гг.) в качестве доминантных выделил конфликты политические (государственное устройство страны, политическая программа ее развития, модель власти и т. д.), экономические и этно-национальные, которые выстроили за собой все пространство остальных комбинаций сложносоставных конфликтов. В качестве примера можно привести сложносоставной конфликт, связанный с драматическими событиями октября 1993 г. Главное противостояние политических сил шло вокруг споров о президентской или парламентской форме институционализации власти. Собственно политический конфликт «запустил» государственно-правовой, который выразился в масштабном конституционном кризисе: по сути, борьба законодательной и исполнительной власти в 1993 г. привела к разрыву конституционных связей на всех уровнях государственной организации. Критерии конституционности актов и действий стали произвольными, появились утверждения о нелегитимности действовавшей Конституции 1978 г. Кульминацией явился породивший острые силовые столкновения Указ Президента от 21 сентября 1993 г. «О поэтапной Конституционной реформе в РФ». В итоге Парламент был разогнан, распались Советы на местах. Деятельность Конституционного Суда была приостановлена, в «досудебном порядке» прекращено функционирование ряда партий, введены цензурные ограничения. Верховенству Конституции и Закона был нанесен удар «указным правом», вводящим новые институты. Государственно-правовой конфликт вызвал к жизни этно-национальные конфликты, поскольку с этого момента субъекты Федерации стали произвольно менять свой статус и отношения с Центром. Начался период известного всем «парада суверенитетов», грозивший России потерей территориальной целостности. Актуали-

зировавшаяся цепочка сложносоставного конфликта была в какой-то мере урегулирована с принятием в 1993 году новой Конституции. Но комбинация новых факторов развернула новый комплексный конфликт с доминантой этно-политической составляющей. И связано это было с чеченским конфликтом 1994–1996 гг. Линия противостояния в тот период проходила через все государственные и политические институты: администрацию Президента, правительство, партии и фракции в Государственной Думе, генералитет, офицерский корпус в армии и в других силовых структурах. Помимо государственно-правовых и политических проблем этот конфликт обусловили и экономические причины, связанные с переделом собственности и ресурсов. Размежевание в рядах федеральной и региональной элит достигло таких масштабов, что классическая угроза «войны всех против всех» стала вполне реальной. Причем эта борьба происходила на фоне углубления экономического и социального кризиса в стране и осложнения ее положения на международной арене, связанного с расширением военно-политического блока НАТО на Восток и угрозой исламского фундаментализма на Юге.

На следующей мини-фазе трансформации в 1993–1998 гг. на первый план вышли приоритеты экономические (приватизация и передел собственности), которые соподчинили на время все возможное множество комбинаций с политическими, этно-национальными, социальными, ценностными конфликтами.

С приходом В.Путина в повестку дня выдвинулись конфликты, связанные с административно-государственной и социальной сферами, которые упорядочили и выстроили все остальные множества конфликтов. Укрепление государственности и борьба с бедностью стали одними из стратегических целей и главных ценностей, выдвинутых В.Путиным и призванных сплотить дезориентированное и деморализованное российское общество.

Ярким примером сложносоставного конфликта «путинской эпохи» является конфликт по поводу реализации 122 Федерального закона, получившего в народе название Закона «О монетизации льгот». Зародился он как социокультурный (ценностный) конфликт и был связан с различным концептуальным представлением о векторе проводимых общественных реформ. Сторонники *либерального подхода* считают, что государство должно сделать основной акцент на институциональных преобразованиях и формировании рыночных институтов (разработка законодательства и правил регулирования, сокращение нерыночного сектора и теневой экономики), избирательно поддерживать социальную сферу и образование, но при этом отказаться от активной промышленной и социальной политики. Авторы исходят из концептуальной предпосылки, что саморазвитие экономики при ограниченном государственном участии выведет ее на траекторию устойчивого роста.

Сторонники *дирижистской модели* отвергают тезис о возможности успешного саморазвития, поскольку российская экономика реагирует на рыночные сигналы совсем не так, как в теории. Соглашаясь с необходимостью институциональных перемен и формированием рыночных институтов, дирижисты ставят во главу угла концентрацию государственных усилий на селективной промышленной, социальной и образовательной политике. Но это предполагает наличие политико-экономического проекта, *приемлемого и привлекательного* для подавляющего большинства российского общества.

Впервые предложение о монетизации льгот прозвучало на совместной коллегии Минфина и Минэкономразвития в марте 2004 г. Идея исходила от министра финансов А.Кудрина. Им же была и предложена форма: *льготы отменяются, вместо них – компенсации*. Однако уже тогда возникли предположения, что быстрое и радикально упрощенное решение проблемы может привести к росту социальной напряженности и социальному взрыву. Поэтому разработка монетизации была поручена более умеренному министру М.Зурабову, чье министерство изменило саму идеологию монетизации: *вместо отмены льгот – изменение порядка их предоставления и финансирования*.

1 января 2005 г. конфликт из противостояния двух векторов реформирования общества стремительно перерос в социальный, противопоставив разные категории пенсионеров и льготников, вскрыв чудовищную ситуацию с удовлетворением базовых социальных потребностей и обнищания (абсолютного и относительного) значительных слоев населения. В чем кардинальная причина провала начавшихся т. н. «социальных реформ»? В чрезмерной бедности населения России. По данным официальной статистики 30 миллионов граждан живет ниже уровня бедности. При этом власть руководствуется критерием минимальной потребительской корзины, которая рассчитывается не из потребностей населения, а из минимальных возможностей государства и выглядит полным анахронизмом. Поэтому цифра в 30 миллионов явно занижена⁷. Минимальный размер оплаты труда не покрывает и трети крайне низкой стоимости потребительской корзины, а пособие на детей – и 3% от детской корзины. Это хуже, чем в ряде беднейших стран Африки. Для сравнения – в СССР МРОТ превышал стоимость потребительской корзины в 1,5 раза. Прогнозируемое расчетное соотношение между среднегодовой величиной МРОТ и среднегодовым прожиточным минимумом на 2005 г. составит, по расчетам Минфина, 24,5%, что практически совпадает с данными 2002 г. – 24,4%. Повышение минимального размера труда с 1 марта 2005 г. с 600 до 720 рублей с перспективой доведения МРОТ до 1100 рублей с 1 мая 2006 года, к сожалению, принципиально ситуации не меняет и укладывается в логику «обедняющего роста», когда обеспечение даль-

⁷ Экономическая газета, № 1–2, январь 2005 г., с. 13.

нейшего экономического роста будет сопровождаться консервацией бедности населения.

Особая ситуация у пенсионеров: 41% из них пенсии не хватает даже на самое необходимое и почти столько же (37%) освоили режим жесткой экономии. Размер базовой пенсии меньше прожиточного минимума, а минимальная пенсия составляет всего 46% от потребительской корзины пенсионера. И это при том, что 60% пенсионеров могут рассчитывать только на свои возможности.

Беда России не только в низком уровне доходов, но и чрезмерной поляризации в их распределении: увеличение ВВП на 1 рубль вызывает рост доходов у 20% «верхних» слоев на 3 рубля, а у 20% «нижних», имеющих наименьшие доходы, – всего на 15 копеек.

В 2004 году доходы малообеспеченных граждан выросли всего на 2,4%, в то время как инфляция составила 11,7%. В этом году, как утверждает руководитель федеральной службы госстатистики В.Соколин, бедным будет еще хуже.

В целом, за годы реформ душевой доход у различных групп населения изменялся по-разному: 80% населения обеднели и лишь 20% стали богаче. Причем 2% увеличили свои доходы в 10 раз, а самые бедные 20% за все 1990-е гг. обеднели еще в два раза⁸.

Разрастающийся по своим масштабам социальный моноконфликт формирующегося сложносоставного конфликта немедленно вызвал к жизни административный конфликт, противопоставив федеральные власти региональным. Так, критическую позицию заняли руководители московских властей, вступая в оппонирование федеральному правительству. Спикер Мосгордумы открыто заявил, что «Закон 122 болезненно ударил по карману столицы. В 2005 г. городской бюджет впервые стал дефицитным, потеряв 50 миллиардов рублей»⁹. Ю.Лужков направил Президенту РФ письмо, в котором резко отозвался о содержании социальных изменений, указав, что «суть проводимой реформы свелась к перераспределению полномочий в пользу федерального Центра... 122-й Закон надо приостановить и воздержаться от проведения в ближайшее время реформы в области здравоохранения, образования, ЖКХ»¹⁰. Практически в этом же духе были выдержаны выступления в СМИ губернатора Санкт-Петербурга В.Матвиенко. Актуализировавшийся административный конфликт вскрыл неудовлетворительное и достаточно напряженное положение в сфере межбюджетных отношений. Последовательное сокращение доходной базы регионов и перекладывание на них все новых обязательств вполне естественно повышает их зависимость от финансовой помощи федерального центра. Столь наглядное финансовое «привязывание» регионов к федеральному центру представляет собой жесткий и действенный инструмент обеспечения их политической покорности. Ситуация с реализацией социальной реформы продемонстрировала это со всей очевидностью. Либераль-

⁸ Лужков Ю. Социальная пиццета в богатейшей стране. – МК. 24 декабря 2004 г., с. 6.

⁹ Российская газета, февраль 2005, № 236, с. 3.

¹⁰ Российская газета, январь 2005, № 203, с. 2.

ные реформаторы фактически проводят реформы за счет регионов, возлагая на их плечи все негативные последствия своих действий и превращая их руководителей в постоянных «козлов отпущения». Принудительно резкое сокращение расходов региональных бюджетов вынудит сократить исполнение тех функций в регионах, которые поддерживают системы жизнеобеспечения. Так, уже в 2006 г. федеральный бюджет в соответствии с уже принятым правительством решением должен практически прекратить поддержку коммунальных хозяйств регионов (сейчас она идет в рамках трансфертов на «выравнивание бюджетной обеспеченности»)¹¹. Это решение вынуждает регионы проводить крайне сложную, а при отсутствии денег и чрезвычайно опасную в социальном смысле, реформу ЖКХ, причем формально по их собственной инициативе (6 регионов России уже вышли на такого рода эксперимент).

Административные и социальные моноконфликты «запустили» самый мощный по своим последствиям тип конфликта – политический, вызвав серьезные общественные волнения населения, которые поставили страну на грань социального взрыва. Более 360 тысяч протестующих в 53 регионах России было зафиксировано на 1 февраля 2005 г. Основной костяк составляли пенсионеры, которые образуют 38 миллионов активного электората страны. В феврале месяце 25% населения были готовы принять участие в акциях протеста против «монетизации льгот». Виновными в принятии непопулярного и непродуманного в своей реализации Закона народ считал в 10% случаев – местные власти, в 20% – Парламент, в 30% – Президента, в 40% случаев – Правительство РФ¹².

Таким образом, сформировавшийся сложносоставной конфликт на почве реализации 122-го Федерального Закона, еще раз вскрыл глубочайшее противоречие между государственной бюрократией, взявшей в свои руки процесс реформирования, и обществом, которое оказалось заложником ее «социальных экспериментов». И без того крайне незначительная роль общества и общественных институтов, таких как парламент, политические партии, гражданские ассоциации, местное самоуправление, средства массовой информации, стала еще меньше. Именно это позволило правящему режиму проводить преобразования в прежнем праволиберальном духе, в интересах крупного капитала и высшего чиновничества.

Таким образом, выше представленный сложносоставной конфликт показал, что нерешенность проблем *в социальной сфере*, которые во многом спровоцированы ходом трансформации *экономических отношений, служит основой* – в сознании большинства соотечественников – *соразмерения приемлемости и действительности демократии в российских условиях*. Неразрешимость социальных проблем, отсутствие гуманистического ориентира в общественно-политических преобразованиях вызывают снижение интереса насе-

¹¹ См.: Делягин М. *Россия после Путина*, с. 227.

¹² Данные Левада-Центра, опрос проводился 18–20 февраля 2005 г.

ления к политике, к демократии, способствуют расширению пропасти между «частным» и «общественным», порождают ощущение политического бессилия. А бедность – это цена реформ, цена ошибок политических деятелей и их «реформаторских» экспериментов.

И пока Россия прочно занимает позицию страны с постоянно беднеющим населением (по данным Всемирного банка в России сегодня 40% населения живет за чертой бедности, т. е. почти половина наших соотечественников тратит на себя в день менее двух долларов). Как отмечают отечественные социологи, темп адаптации российских граждан к неудовлетворительным социальным условиям в стране к 2003 году усилился. Если в 1999 г. доля лиц, кому живется плохо, составляла интервал от 66% до 85%, то в 2003 году – от 40% до 60%¹³. В целом, как видно, происходит адаптация на базе нисходящей мобильности, снижения уровня свободы, заниженных ожиданий, депривации, ломпенизации большинства российских сограждан.

¹³ Из выступления Т.И. Заславской на Круглом столе «Социология постсоветской трансформации» в рамках II Всероссийского социологического конгресса, 2 октября 2003 г.

Таким образом, Россия сейчас переживает стремительную социальную поляризацию, ведущую к вырезанию латентного противостояния «низов» и «верхов». Прimitивная дифференциация населения, при которой большинство принадлежит к низшему низшему слою, препятствует процессам формирования групповых интересов и консолидации их в различные политические институты и общности для реализации этих интересов. Для успешного развития процессов гражданской самоорганизации в обществе должен существовать довольно широкий и стабильный средний класс. Однако, как мы видим, российский вариант либеральной модернизации пока способствует зарождению и укреплению бюрократического капитала как основной формы развития отечественного рыночного хозяйства.

Далее, для систематического изучения различных вариантов ССК впервые предложена динамическая модель морфологического анализа. В соответствии с ней, пространство сложносоставного конфликта образуется пересечением полей разнотипных конфликтов – политических, экономических, социо-культурных и т. д., образуя пульсирующую и подвижную структуру конфликтного взаимодействия, специфика которого определяется неравномерным распределением капиталов действующих субъектов (П.Бурдьё), значимость которых определяется доминирующим положением того или иного поля – как места соотношения сил – в каждый данный момент времени.

В приводимой ниже морфологической матрице ССК каждый из шести моноконфликтов (социо-культурный, политический, государственно-административный, этно-национальный, конфликт в социальной сфере, экономический), из которых может быть образован ССК, характеризуется двумя основными элементами – набором причин и спецификой взаимодействия участников-сторон.

Тип конфликта	Элементы описания	Характерные варианты причин и специфика взаимодействия сторон разных конфликтов								
1. Социо-культурный	Причины	Нет11	Прич.12	Прич.13	Прич.14	Прич.15	Прич.16	Прич.17	...	Пр.1n1
	Взаимодействие участников	Нет	Сами стороны	Стороны + фасилитатор	Стороны + посредник	Стороны + управленец	Стороны + арбитраж	Стороны + суд		
2. Политический	Причины	Нет21	Прич.22	Прич.23	Прич.24	Прич.25	Прич.26	Прич.27	...	Пр.2n2
	Взаимодействие участников	Нет	Сами стороны	Стороны + фасилитатор	Стороны + посредник	Стороны + управленец	Стороны + арбитраж	Стороны + суд		
3. Административный	Причины	Нет31	Прич.32	Прич.33	Прич.34	Прич.35	Прич.36	Прич.37	...	Пр.3n3
	Взаимодействие участников	Нет	Сами стороны	Стороны + фасилитатор	Стороны + посредник	Стороны + управленец	Стороны + арбитраж	Стороны + суд		
4. Этно-национальный	Причины	Нет41	Прич.42	Прич.43	Прич.44	Прич.45	Прич.46	Прич.47	...	Пр.4n4
	Взаимодействие участников	Нет	Сами стороны	Стороны + фасилитатор	Стороны + посредник	Стороны + управленец	Стороны + арбитраж	Стороны + суд		
5. В социальной сфере	Причины	Нет51	Прич.52	Прич.53	Прич.54	Прич.55	Прич.56	Прич.57	...	Пр.5n5
	Взаимодействие участников	Нет	Сами стороны	Стороны + фасилитатор	Стороны + посредник	Стороны + управленец	Стороны + арбитраж	Стороны + суд		
6. Экономический	Причины	Нет61	Прич.62	Прич.63	Прич.64	Прич.65	Прич.66	Прич.67	...	Пр.6n6
	Взаимодействие участников	Нет	Сами стороны	Стороны + фасилитатор	Стороны + посредник	Стороны + управленец	Стороны + арбитраж	Стороны + суд		

В клетках матрицы содержатся варианты причин или взаимодействий. Заметим, что в первой колонке выделена ситуация, когда основные элементы каждого из моноконфликтов отсутствуют (позиция «нет»). Эта колонка сделана для того, чтобы была возможность формировать варианты ССК из пары, тройки, четверки и пятерки моноконфликтов. При этом также стало возможным включить в матрицу и моноконфликты. Один из них – социокультурный – представлен сплошной линией.

ССК, состоящий из пары моноконфликтов – социокультурного и политического, в матрице показан ансамблем отрезков из соединенных сплошных и пунктирных фрагментов.

Заметим, что в матрице содержится громадное число всевозможных вариантов сложно-составных конфликтов.

Подсчитаем, например, сколько в таблице вариантов шестимерных сложно-составных конфликтов, то есть сформированных из всех шести моноконфликтов.

Обозначим это число через $N(6)$. Его можно рассчитать по формуле:

$$N(6) = 6^6 \times [(n1 - 1) \times (n2 - 1) \times (n3 - 1) \times (n4 - 1) \times (n5 - 1) \times (n6 - 1)] = \\ = 46\ 656 \times [(n1 - 1) \times (n2 - 1) \times (n3 - 1) \times (n4 - 1) \times (n5 - 1) \times (n6 - 1)].$$

Очевидно, что даже кратко составить описание всех возможных вариантов ССК затруднительно. Поэтому в реальной ситуации требуется, построив такую матрицу, уметь генерировать и сравнивать варианты ССК на систематической основе (например, научиться «измерять» различие между ними).

Приведем пример. Пусть у каждого из шести типовых моноконфликтов удалось выявить ровно по 3 причины (включая и отсутствие – «нет»), то есть

$$n1 = n2 = n3 = n4 = n5 = n6 = 3.$$

Если оставить неизменным шесть способов взаимодействия участников в каждом моноконflikте (сами стороны, стороны + фасилитатор, стороны + посредник, стороны + управленец, стороны + арбитр, стороны + суд), то в матрице содержится $(6^6 \times 2^6) = 2\ 985\ 984$ шестимерных варианта ССК.

А если к этому числу добавить все двумерные (когда в ССК представлена любая пара моноконфликтов), трехмерные, четырехмерные и пятимерные конфликты, то общее число всевозможных ССК еще больше возрастет.

Налицо значительные сложности, с которыми приходится сталкиваться исследователю при анализе ССК в условиях трансформации.

В ранее описанных случаях пространство ССК остается статичным. В реальности же ССК находятся в состоянии постоянного изменения. Необходимо ввести процессно-динамическую составляющую анализа ССК. Любой социальный конфликт представляет собой процесс своего развертывания – от одной стадии к последующей. Достаточно общепринятыми является выделение таких стадий конфликта:

- *конфликтная ситуация*, в рамках которой формируются детерминанты конфликта, провоцирующие социальную напряженность, складываются условия, способствующие осознанию социальными субъектами расхождения их интересов и ценностей, а также факторы, определяющие формирование целей и путей их достижения;
- *открытое конфликтное взаимодействие*, где особое внимание привлекают процессы эскалации и деэскалации конфликта;
- *завершение конфликта*, где наибольшую важность приобретает учет возможных результатов и последствий как предшествующего противоборства, так и способа его регулирования.

Комплексный анализ конфликта, игнорирующий временные изменения структурных элементов конфликта, непродуктивен и ошибочен. Конфликт меняется со временем. Наиболее очевидно этот аспект представлен в *поведении субъектов*, поскольку они меняют свои стратегии и реагируют на действия друг друга, прибегая к пробным попыткам эскалации, снижения напряженности или начиная использовать стратегию принуждения вместо примирения. Эти поведенческие модели в конфликте образуют процесс, который меняется со временем, давая повод для таких вопросов, как – *является ли конфликт циклическим (или повторяющимся) или же для него характерно линейное развитие в сторону эскалации? Или же возможно остановиться на стадии инцидента конфликта и сразу перейти к деэскалации?* В этом отношении динамические аспекты конфликта можно рассматривать в нескольких главных областях:

- *в самих субъектах конфликта*, поскольку цели, установки и формы поведения изменяются, или изменяется структура субъекта конфликта в ответ на изменение противника или социального контекста среды;
- *во взаимодействии между сторонами*, поскольку со временем возникают различные модели коммуникации и взаимодействия в связи с эскалацией и деэскалацией конфликта, его интенсификацией или «умиранием», расширением или согласованным ограничением его границ;
- *между сторонами конфликта и окружающей их социальной средой*, поскольку среда реагирует на конфликт самыми разными путями, от изоляции субъекта-агрессора до привлечения к урегулированию третьих сторон (в целях предоставления ресурсов, вмешательства, оказания посреднических услуг или

навязывания ограничений на поведение или условия разрешения).

Но при этом важно учесть другое – в современных условиях многофакторности детерминации, нарастания динамизма самих процессов изменения в связи с процессами глобализации изменился сам характер проявления модальности детерминирующих факторов – они не предъявляют себя прямолинейно и жестко, а действуют поливариантно и диффузно. В последнее время исследователи в области теории конфликтов обратили пристальное внимание на проблемы создания и функционирования локальных социальных образований, именуемых полями, аренами или играми. Представители нового институционализма (К.Мейер, А.Скотт и др.) сделали вывод, что сложные и соперничающие отношения между старыми институтами и претендентами, то есть конфликты между группами, занимающими различные позиции на отдельных полях, их переходы на «смежные» поля и, как следствие, изменение позиций, служат основным источником перемен в обществе¹⁴. «Полевой» теоретический подход (field theoretic approach) к анализу конфликтов впервые был предложен Квинси Райтом и предполагал важность учета многоуровневого характера причинно-следственных отношений в конфликте и предлагал анализировать межгосударственные конфликты в рамках поля отношений «человек – государство – общество». В изучении внутренних конфликтов также возобладала теория, учитывающая множественность уровней причинно-следственных отношений и объединяющие их на основе различных концепций: структурно-функциональной деформации, межгрупповой конкуренции или влияния системных факторов. И все это могло быть спроецировано в плоскость функциональной актуализации конфликта – в социальную, политическую, экономическую, военную сферы.

Нами выделено несколько типов динамики развертывания ССК. Три из них таковы:

- Последовательно и поочередно к определенному ССК определенной размерности подключаются другие моноконфликты без затухания предыдущих;
- Последовательно и поочередно к ССК подключаются другие моноконфликты, а часть предыдущих затухают;
- Моноконфликт, возникший на основе одного конфликта, обрастает и проявлениями других конфликтов таким образом, что формируется ССК.

* * *

Таким образом, динамическая модель морфологического анализа социальной конфликтности трансформирующегося общества очень продуктивна. Разнотипные конфликты в условиях высоко динамичной трансформации стимулируют и взаимно усиливают друг

¹⁴ См.: Дмитриев А.В. Социальный конфликт: общее и особенное. – М., 2002, с. 464.

друга, что порождает дополнительный эффект синергетического свойства. Важно понять какого – *деструктивного или позитивного* – свойства. В силу этого сегодня недостаточно изучать отдельные социальные конфликты, оставляя без внимания факт возникновения качественно нового феномена – пространства сложно-составного конфликта, не акцентируя внимания на механизмах и аспектах его развертывания и регулирования.

К системному анализу взаимовлияний разнотипных конфликтов друг на друга конфликтология только еще подходит. Анализ конкретных конфликтов в изолированном от других виде – это необходимое условие для выявления системных качеств конфликтности в условиях трансформации. Сейчас, когда отечественная социология накопила знания о многих типах и видах конфликтов, ей предстоит сделать следующий шаг: углубить изучение феномена сложно-составного конфликта, выяснить те социальные эффекты, которые образуются динамично-активным «наложением» полей различных конфликтов в определенном социальном пространстве в условиях общественно-политической трансформации. Данная статья – попытка сделать шаг в данном направлении.